

Открытое небо Николая Глазкова

ДВЕ ДАТЫ

Сегодня – День радио, скоро – День Победы, Николай Иванович Глазков имеет отношение к тому и другому.

Начну с первого. В сороковые – пятидесятые годы самым знаменитым человеком на Всесоюзном радио был Юрий Левитан. Его бархатистый значительный голос озвучивал во время войны сводки Совинформбюро и приказы Верховного главнокомандующего с такой несокрушимой верой в то, что наше дело правое и мы обязательно победим, что Гитлер объявил его своим личным врагом. После войны Левитан вёл репортажи с самых важных событий, в том числе с парадов и демонстраций на Красной площади. В один из таких репортажей он включил стихи фронтовика Николая Ивановича Глазкова.

Было это не то в 1949-м, не то в 1950 году, Глазков точно не помнит. Но голос Левитана разнёс тогда написанные им строчки на всю страну:

*«Надо мною открытое небо,
Небо нашей столицы*

Москвы,

Солнце встало сегодня

высоко

Над Кремлём рубиновой

звезды».

Чем привлекли знаменитого диктора эти не очень гладкие строки, сейчас уже никто не скажет. Возможно, этот фронтовик, с которым Левитан случайно встретился, просто ему понравился. В тот год Глазков работал в одном из московских учреждений председателем комитета ДОСААФ, а Левитан возглавлял ДОСААФ в радиокомитете. На одном из собраний этой организации они и познакомились.

Знакомство не имело продолжения, теперь, по прошествии многих лет, этот эпизод кажется чем-то вроде точки, поставленной судьбой на том отрезке жизни Николая Ивановича, который пришёлся на войну.

Война началась для него, как для многих, с того, что их, студентов Московского полиграфического техникума, собрал райком комсомола и предложил отправиться строить укрепления. Желающих набралось много, вместе с добровольцами из других учебных заведений – целый поезд, который уже 28 июня двинулся на запад.

Не доезжая Смоленска, на Днепре выгрузились и начали рыть противотанковые рвы. Через два-три дня налетели немецкие самолёты, обстреливали с воздуха, бомбили. После этого отряд московских студентов перевели на работу ночью. Днём отдыхали, стараясь ничем не привлечь внимание вражеских лётчиков. В один из таких дней Николай увидел первых в своей жизни пленных немцев. Их вели по шоссе Минск – Москва, запомнились лица – злобные, тогда ещё надменные. В ответ на улюлюканье студентов в колонне даже огрызнулись: «Хай Гитлер!»

В Талдоме встретили отца,

фото Вячеслава ЮРАСОВА

Обстановка на фронтах складывалась не в нашу пользу. Немецкие войска стремительно продвигались. На строительстве укреплений началась неразбериха: наши войска отошли, в любой момент могли появиться немцы, надо было уходить. Николай с товарищем решили пробираться в Москву. Где пешком, где на грузовых машинах, где в товарняке добрались до Можайска, разыскали райком комсомола, объяснили, кто они, откуда. Нельзя ли, мол, где-нибудь подхартчиться. Из райкома позвонили в столовую. Ребята потоптались там, но их так и не покормили.

Отправились на рынок. У Николая был чемодан. Связав грязное бельишко в узелок, попробовали продать чемодан, но его никто не купил. Кое-как на голодный желудок на товарняке всё-таки добрались до Москвы. Напротив Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – двухэтажные корпуса студенческих общежитий. Командантом в их общежитии был дядя Мотя, моряк с «Варяга». Его жена, тётя Груша, жалостливо оглядев ребят, пригласила выпить сладкого чаю, отрезала граммов по сто чёрного хлеба.

Об учёбе не могло быть и речи. Путь оставался один – к дому, в родной город Талдом. Километра два-три Николай прошёл пешком по шпалам, на какой-то остановке пробрался в тамбур с другой стороны вагона. Мужики говорили о войне, утверждая, что долго немец не выдержит, и скоро она закончится. Николай хотел вступить в разговор, он в отличие от них уже повидал бомбёжки, раненые, убитые. Но, рассудив, что, чего доброго, примут за шпиона, промолчал.

В Талдоме встретили отца,

мать, братья. У родителей было семеро сыновей, Николай – пятый. Воевать довелось всем, но тогда двое младших оставались ещё дома.

Хорошо среди родных и близких, но не отступала тревога. Ни в московском общежитии, где Николай прописан, ни здесь почему-то не оказалось повестки, и он сказал отцу: «Надо мне самому идти в военкомат». В военкомате его осмотрели, постригли, да так и не отпустили больше домой. В самый последний момент отец всё-таки разыскал его и сунул в дорогу тёплую куртку.

На следующий день отряд новобранцев двинулся пешком в город Горький. Холодно, сыро, ко всему прочему Николая мучили чирьи. Но когда в Загорске нагнала весть, что командующим обороны Москвы назначен Жуков, на душе сразу повеселело. Мы ещё повоем!

Николай получил назначение в Горьковскую полковую школу зенитной артиллерии. Школа располагалась под трибунами городского стадиона. На дворе – октябрь, печей никаких, холодно. В школе человек сто пятьдесят. Он попал в группу подготовки командиров приборного отделения. А если точнее – прибора управления зенитно-артиллерийским огнём (ПУЗАО). Техника по тем временам сложнейшая, на фронт стали поступать новые зенитные пушки, но враг продвигался всё дальше в глубь страны, и уже в апреле 1942 года курсантов, не доучив, отправили на формирование по частям.

В школе кормили одной рубленой капустой, в дорогу дали по буханке хлеба, и многие, в том числе Николай, съели всю сразу. Несколько человек после этого умерли. Когда приехали в

Москву, столица встретила их совсем другая – неухоженная, изрытая воронками от бомб. Они шли по улицам строем голодные, измученные, без песен и ловили на себе хмурые взгляды прохожих: и эти доходят – наши защитники?

В Москве сформировали из них зенитно-артиллерийский дивизион № 385, в составе которого младший сержант Глазков отправился дальше, на сей раз – на север.

Если бы не война, все эти путешествия можно было бы назвать даже интересными. В Вологде их погрузили на баржи, и они двинулись по каналам Мариинской системы. Нескольким барж с пушками и людьми шли гуськом, не доезжая Вытегры на Онежском озере приказано было выгрузиться. Они построили землянки, разместили технику. Задача состояла в том, чтобы охранять Мариинскую систему, по которой шло снабжение Ленинграда.

В подчинении Николая оказались одиннадцать человек – пожилые солдаты с образованием два-три класса, научить их работать с приборами было очень сложно. Но вскоре вместо них прислали девушек из Вологды. Восемнадцати-девятнадцатилетние, окончившие не меньше семи классов, они осваивали новую науку сходу, обеспечивая быстрое нахождение цели во время налётов вражеской авиации. Свребразный талант обнаружился у Глазкова: оправдывая свою фамилию, он иногда на глазок определял нужную высоту и стал за это уважаемым человеком в дивизионе.

Правда, с питанием по-прежнему обстояло плохо. Спасаясь от цинги, делали настой из хвои, в свободное от дежурства

время собирали грибы, клюкву. Однажды приехал проверяющий из штаба, а тут налёт. Наши стреляют, и майор наблюдает странную картину. Около одного орудия управляется очень высокой пожилой заряжающий. Зарядит, дёрнет ручку, грянет выстрел – и он падает. И так раз за разом, пока налёт не кончился. Когда стихло, майор подошёл к рослому солдату с вопросом:

– Что же ты падаешь?

– Супцу маловато, – ответил тот.

Перед отъездом проверяющий приказал командиру батареи найти возможность выдавать высокому солдату двойную порцию.

В октябре начались заморозки, каналы стали покрываться льдом, зимой Мариинская система не работала, и её защитников передислоцировали в Череповец. Крупный железнодорожный узел, откуда дороги шли на Архангельск, Ленинград и на запад, не мог оставаться в стороне от внимания противника. Орудия накрыли маскировочной сеткой, вырыли тайные проходы от одного к другому: сверху они были заложены брёвнами и присыпаны землёй. Вокруг Череповца стояли теперь четыре батареи и пулемётная рота их дивизиона, а в дополнение к ним – новейшая английская станция, которая обнаруживала самолёты на удалении в пятьдесят-шестьдесят километров. Немецкая авиация предпринимала попытки прорваться к Череповцу несколько раз, но наши вели загадочный огонь, и ни одна бомба на город не упала.

Николай Глазков по-прежнему ловил вражеские самолёты не только приборами, но и своим необъяснимым чутьём.

Пошли слухи, что он «что-то знает», его даже хотели направить для защиты станции Буй, которая подвергалась особенно жестоким бомбёжкам, но на правление почему-то не состоялось. А вот значком «Отличник артиллерист» всё-таки наградили.

В начале 1944 года советские войска освободили Велкие Луки, и часть, в которой служил Глазков, была выдвинута на защиту крупной железнодорожной станции Новосольники. Его назначили комсоргом дивизиона. Вскоре он стал свидетелем сильнейших налётов на станцию. Особенно запомнился один, ночной. Немцы повесили на парашютах осветительные лампы, силы были неравные, станцию разбомбили крепко.

– Наши зенитчики стреляли до кипения стволов, – рассказывает он. – Накрывали их мотками одеялами, чтобы охладить. Сражались до последнего. Бой шёл два часа.

На комсомольской работе Глазков задержался недолго, попросил комиссара перевести на работу по специальности. Вскоре он вернулся на батарею командиром взвода управления. Фронт двигался вперёд, в апреле 1945 года Глазков уже в Польше: Кутно, Лодзь, Познань после Победы – опять Лодзь.

В мирное время Глазков попадает в батальон воздушного наблюдения и оповещения связи (ВНОС), в качестве главного оператора центрального пункта «ведёт» наши самолёты. В августе 1945 года оказывается по линии ВНОС на турецко-иранской границе.

– Сталин вынашивал план взять обратно Эрзрум – те земли, которые после устроенной турками жуткой резни армяне отошли к Турции. От Еревана в ту сторону ведёт шоссе. Ночью наши запустили по нему четыре-пять танков, они двинулись туда-сюда со страшным шумом, с зажжёнными фарами, чтобы напугать турок. Но перейти границу Сталин всё-таки не решился. Я был командиром наблюдательного пункта, мы фиксировали, какой самолёт летит, куда и передавали это по назначению.

Николай Глазкова демобилизовали в марте 1947 года. Окончил свой полиграфический техникум, работал в Глазном управлении полиграфического издательства и книжной торговли в Москве, в 1953 году был послан на строительство Ярославского полиграфкомбината помощником директора по кадрам. Одновременно работал снабженцем, организовывал курсы полиграфистов и вместе с директором и главным инженером на них преподавал.

В 1955 году полиграфкомбинат выпустил первую продукцию – книжку «Роб Рой», а с конвейера офсетной печати сошли этикетки для Рыбинской спичечной фабрики. Жизнь двинулась вперёд, война всё дальше и дальше уходила в прошлое, а написанная когда-то строчка «Над мною открытое небо» так и застряла в памяти.

Татьяна ЕГОРОВА